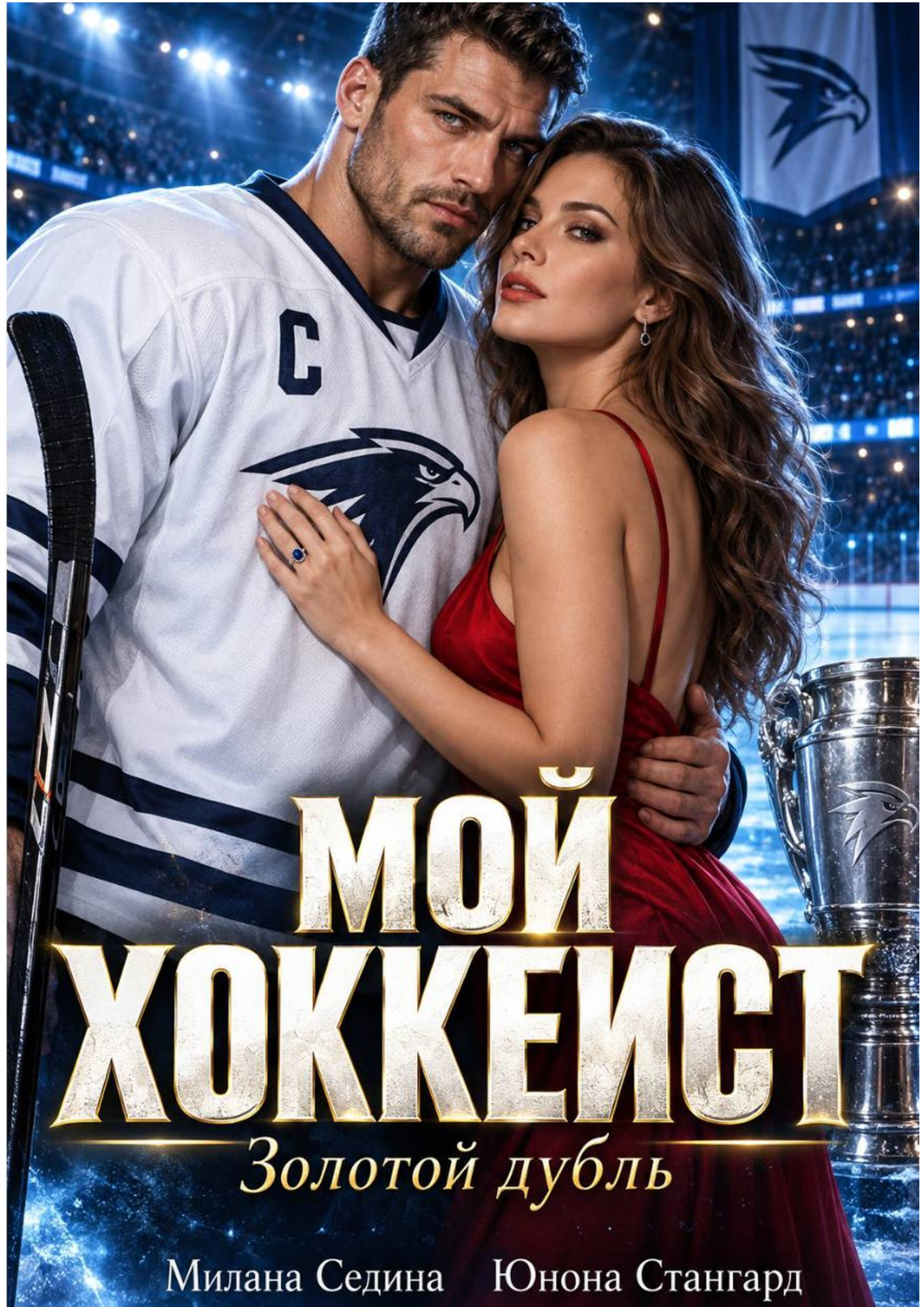

МОЙ ХОККЕИСТ

Золотой дубль

Милана Седина

Юнона Стангард

Юнона Стангард

Мой хоккеист. Золотой дубль

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой хоккеист. Золотой дубль / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

До матча четыре часа. Президент «Сокола» сбежал, оставив огромные долги, звезды отказались играть, а рейдеры уже собираются опечатать арену, которую спроектировал мой отец. Я, Инна Воронова, должна спасти клуб от банкротства. Но законы не забивают шайбы. На лед выйдут мальчишки из дубля — и их капитан, хоккеист Глеб Казаков. Он обещает закрыть их собой. А меня — от тех, кто привык получать свое угрозами. Пока я отбиваю чужие притязания на наш дворец, Глеб заставляет мое сердце биться быстрее любой сирены. Мне нельзя терять голову. Ему нельзя проигрывать. Только враги готовы ударить и по команде, и по мужчине, которому я решилась довериться.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вызов принят	6
Глава 2. Сокол на взлет	9
Глава 3. Чужая куртка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Седина

Мой хоккеист. Золотой дубль

Мой хоккеист. Золотой дубль

Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1. Вызов принят

Сквозь узкие рамы старых деревянных окон президентского кабинета ЛДС «Сокольники» сумерки казались пепельными, цвета замерзшего бетона. На третьем этаже административного корпуса пахло остывшим растворимым кофе, пересохшей бумагой старых папок и тем особенным, вьевшимся в перекрытия духом сырого льда, который я помнила с самого детства.

На массивном столе из мореного дуба — за которым когда-то ночами, склонившись над ватманами, чертил мой отец, главный архитектор этого ледового дворца Сергей Васильевич Воронов, — белели ровные стопки надвигающейся катастрофы. Уведомления Мосэнергосбыта об отключении подстанции за неуплату. Определение Арбитражного суда Москвы о введении процедуры наблюдения и назначении меня, Инны Вороновой, временным управляющим АНО «Хоккейный клуб "Сокол"». Рядом — решение попечительского совета, поручившего мне антикризисное руководство клубом. И четыреста двадцать миллионов совокупного долга, оставленного беглым президентом Лаптевым, который позавчера утренним рейсом растворился в Вене.

До стартового свистка первого матча переходной серии плей-аут КХЛ против ярославского «Северного Барса» оставалось ровно четыре часа.

— Вы напрасно перекладываете казенную бумагу, Инна Сергеевна, — протянул Игорь Зубов.

Начальник службы безопасности девелоперского холдинга «Гранд-Сити» сидел в глубоком кожаном кресле для гостей, вальяжно расставив колени в дорогих шерстяных брюках. На его тяжелом безымянном пальце поблескивала массивная золотая печать с гравировкой хищной птицы, когти которой впивались в кирпичную кладку. На столе передо мной лежала принесенная им папка из рыжей тисненой кожи — проект соглашения о добровольном признании банкротства и немедленной передаче имущественного комплекса под снос.

— В кассе клуба ноль рублей сорок копеек, — Зубов сыто усмехнулся и постучал ногтем по полированному дереву. — Главбух Лаптева соскочил в полдень, прихватив с собой флешки с криптоключами клиент-банка. Счета арестованы налоговой инспекцией. Если через три с половиной часа «Сокол» не выходит на лед — регламент КХЛ оформляет техническое поражение ноль-пять и немедленное снятие с турнира. Клуб ликвидируется. А завтра утром земля стадиона переходит нашему холдингу по залоговой расписке. Подпишите акт, девочка. Не ломайте себе судьбу. Вы ведь здесь чужая.

Я медленно поправила манжету графитового жакета. Тонкая шелковая ткань блузки казалась ледяной, но пальцы, сжимавшие перьевую ручку, не дрожали.

— Я здесь выросла, Зубов. Мой отец рассчитывал несущие фермы этой крыши, когда вы еще отжимали торговые палатки у метро. Петрович, вскрывай.

Из темного угла за фальшпанелью выступил дежурный слесарь арены Петр Савельев в замасленной синей робе. В его руках блеснул тяжелый ломик-фомка. С металлическим скрежетом нижний фальшпол стенного сейфа, который люди Лаптева в спешке сочли пустой декоративной нишей, подался наружу. На пыльном дне лежал толстый рукописный гроссбух личных поручений беглого президента, перевязанный суровой бечевкой.

Я сорвала бечевку, листая плотные страницы. Сердце глухо и сильно ударило в ребра.

В гроссбухе велся скрытый реестр внутренних финансовых проводок. Тридцать два фиктивных беспроцентных займа кипрского офшора «Линкольн Холдингс». Триста сорок миллионов из четырехсот двадцати числились за структурой самого «Гранд-Сити» и оставались безналичной фикцией без реального банковского покрытия.

— Вы ищите воздух, — повторил Зубов, но его глаза сузились, превратившись в две колющие щелки.

— Воздух продавали вы, — отчеканила я, с хлопком закрывая книгу и прижимая ее ладонью к столу. — Восемьдесят процентов долговой массы вашего холдинга — дутая безналичная фальшивка. Прямо сейчас эти выписки ложатся на стол следователя Главного следственного управления по делу о преднамеренном банкротстве. Заберите свою папку обратно.

Дверь приемной распахнулась с грохотом, ударившись о стену. В кабинет широким шагом влетел Артем Вольский — капитан основы, лицо клубных билбордов и самый дорогой форвард «Сокола». От него разило дорогим табаком, цитрусовым одеколоном и лощеным высокомерием. На пальце он небрежно крутил брелок от белого «Порше».

Следом маячили двое нападающих ударного звена с угрюмыми лицами. Вольский даже не взглянул на Зубова, шагнул вплотную к моему столу, сдернул с плеча игровой свитер с жирной капитанской буквой «С» и швырнул его прямо на отцовские чертежи:

— Разговор короткий, Сергеевна. Никто на лед не выйдет. Пацаны экипировку даже из сумок не доставали. Сорок пять миллионов премиальных за три прошедших месяца наличными прямо сюда. Нет денег — выходи на арену и играй против ярославских канадцев сама.

Я посмотрела на свитер, пропахший дорогими сигаретами, затем в холеное лицо Вольского. Внутри поднялась ледяная, звенящая ясность.

— Три месяца клуб летел на дно таблицы, пока вы заливали поражения в ночных клубах, — ровно произнесла я, доставая бланк служебного приказа. — Ваш отказ выйти на матч зафиксирован. Сегодня вы вне заявки, Вольский. По контрактам разберемся отдельно, с объяснениями и всеми положенными процедурами. Уведомление в дисциплинарный комитет лиги уже ушло по факсу. Сдайте ключи от служебных машин и покиньте дворец.

Вольский побледнел. С его лица мгновенно слезла снисходительная ухмылка, обнажив оскал паники:

— Ты в своем уме, кабинетная крыса?! Да мы костяк сборной! Ты нас без работы оставить решила?! Да мы тебя в порошок...

— Вон, — отрезала я, глядя ему прямо в переносицу. — Или охрана выведет вас из кабинета.

Вольский выругался сквозь зубы и выскочил вон, с такой силой хлопнув дверью, что зазвенели стеклянные плафоны под потолком.

Зубов медленно поднялся из кресла. Теперь в его позе не осталось вальяжности. Вся его тяжелая двухсоткилограммовая масса нависла надо мной, уперев кулачищи в край отцовского стола:

— Смелая девочка. Только круглая дура. Основы нет. Кем играть будешь? Привидениями?

Он вытащил из кармана сложенный лист гербовой бумаги и швырнул мне под нос:

— Исполнительный лист. Обеспечительный арест всех помещений стадиона в пользу «Гранд-Сити» по переуступке долга. Через полчаса сюда зайдет батальон моего ЧОПа. Мы опечатаем лед, судейскую и щитовую. Матча не будет.

Я взяла документ кончиками пальцев. Глаза мгновенно зацепились за мелкий шрифт судебного постановления: договор цессии номер 48/Б. Сумма выкупа прав требования — сорок два миллиона рублей при номинале в четыреста двадцать. Ровно десять процентов через однодневку «Вектор-М», зарегистрированную на имя слепого пенсионера.

— Здесь указан спорный долг, а не право вашего ЧОПа захватывать здание. Подлинность расписки мы оспариваем в суде, — я посмотрела ему прямо в наливающиеся кровью глаза. — Уберите руки с моего стола. Вы здесь никто.

Зубов ослабил и махнул рукой амбалам в дверях:

— Перекрыть выход. Судейскую на замок. Инспектора лиги в здание не пускать.

Я не стала тратить слова. Моя рука скользнула под дубовую столешницу, нащупав шершавый тумблер прямой тревожной кнопки Росгвардии, и вдавила его до упора.

По коридорам взвыла басовитая объектовая сирена гражданской обороны. Красный стробоскоп над дверью замигал тревожными всполохами.

— Дежурный пульт спецсвязи Росгвардии Восточного округа, — громко произнесла я в микрофон селектора. — Вооруженное нападение на стратегический спортивный объект. Блокировка временного управляющего.

Зубов скрипнул зубами, отступая на шаг:

— Ты отсюда живой не выйдешь, Воронова.

Охранники утащили его в коридор. Через несколько минут прибывший наряд вывел их из приемной; я передала запись угроз и заявление. Сирена смолкла, оставив после себя гулкую тишину. Но на улице Зубов еще хозяйничал: его люди прикрывались договором охраны комплекса.

Времени не оставалось вовсе. Я придвинула синий том Регламента КХЛ, открыв раздел о заявке игроков клубной системы. Комиссар уже подтвердил по телефону: документы дублеров примут на срочную проверку. Я рванула ящик архива молодежного состава «Сокол-2». Двадцать папок с фотографиями стриженных мальчишек семнадцати-девятнадцати лет. Все контракты были чистыми типовыми соглашениями без залогов рейдеров, а углубленная диспансеризация пройдена в городском диспансере неделю назад. Они были чисты перед законом.

Внезапно на экране служебного моноблока погас значок сети — связь с лигой оборвалась. Позже электрик нашел перекушенный кабель в распределительном щите.

Не теряя ни секунды, я взяла гербовый бланк арбитражного управляющего и от руки, каллиграфическим почерком вписала двадцать фамилий: вратарь Данила Якушев, защитники, нападающие... И во главе списка — капитан и играющий наставник дубля Глеб Казаков. Его папка лежала отдельно от юниорских: тридцать три года, центральный нападающий, пять лет рядом с этими пацанами. Прижав мастичную синюю печать, я сунула лист секретарю приемной Марии Соколовой:

— Маша, служебным лифтом вниз. Лично в руки комиссару КХЛ Олегу Викторовичу Воропаеву под роспись!

В приемной мне преградили путь ветераны клуба во главе с олимпийским чемпионом Инсбрука Семеном Павловичем Макаровым:

— Инна, опомнись! У «Барсов» канадские легионеры под два метра ростом! Они твоих сопляков размажут по бортам, покалечат пацанов на всю жизнь! Сними команду достойно, прими ноль-пять!

— Достойно — это драться до последней секунды, Семен Палыч. А отдать дворец отца под бульдозеры без единого броска — позор. Я беру все риски на себя. Или мы выходим и деремся, или клуб умирает сегодня.

Ветераны отступили. Я застегнула жакет и быстрым шагом шагнула на пожарную лестницу, ведущую вниз, в подвал.

Глава 2. Сокол на взлет

Цокольный этаж встретил меня холодом бетонных стен, запахом машинного масла от заливочных комбайнов и дешевой хлорки. Телефон в кармане задрожал — звонил Семен Ильич Тарасов, Дед, начальник хозчасти, работавший во дворце еще со времен Брежнева.

— Сергеевна, беда! Фургон с баулами молодежки встал колом на эстакаде Третьего кольца! Сахар в бак насыпали, гады Зубова! Эвакуатор вызвать не дают, счета заблокированы! До игры час с небольшим, форма в кузове!

— Дед, стойте на месте!

Я выбежала через пандус во внутренний двор арены. Колючий московский снег с размаху ударил в лицо, ледяной ветер распахнул полы жакета. У служебных ворот стояли три сотни крепких парней в красно-белых шарфах — фанатский сектор «Сокола». Вперед шагнул коренастый лидер фанатов Павел Смирнов — Паша «Торпеда», заводящий трибуны:

— Инна Сергеевна, Вольский слил команду? Нас хоронят?

— Вольский отказался играть. Играет молодежка, но баулы с формой застряли на ТТК. Нужны машины! Прямо сейчас!

Торпеда коротко свистнул в два пальца. Через минуту десять тяжелых внедорожников и микроавтобусов болельщиков с визгом шипованной резины выстроились в колонну.

На съезде с эстакады колонну фанатских джипов попытался заблокировать наряд ДПС по ложной ориентировке охраны Зубова. Но Дед вылез из головной машины и предъявил накладные на клубное имущество. Торпеда позвонил мне, я подтвердила маршрут и попросила проверить ориентировку. Через десять минут командир наряда разрешил колонне двигаться дальше. Эту историю Дед потом рассказал мне, все еще сжимая помятые накладные.

Когда джипы влетели во двор стадиона, охрана Зубова опустила шлагбаум. Шестеро чоповцев в бронежилетах выстроились живой цепью.

Я сбежала по обледелым ступеням прямо на дорогу, встав между бампером головного джипа и опущенным шлагбаумом в одном тонком жакете.

— Я руководитель клуба, это наше имущество. Поднимайте шлагбаум! Запись ваших угроз уже у полиции. Еще раз придется вызывать наряд — будете объяснять, кто велел блокировать команду!

Старший смены ЧОПа выругался и нажал кнопку. Шлагбаум пополз вверх. Грузовой лифт внутри арены был обесточен диверсантами, и двадцать крепких фанатов на руках, задыхаясь на ледяном ветру, занесли тяжелые сорокакилограммовые баулы по пандусу прямо в цокольный тоннель.

Торпеда задержался возле меня. Увидев, как меня колотит крупная дрожь на стуже, он бережно снял со своей шеи тяжелый шелковый шарф с золотым вышитым соколом и обернул вокруг моей шеи в два оборота:

— Вы за нас перед бандитами встали, Инна Сергеевна. Теперь весь сектор за вас зубами рвать будет. Мы горло оставим на трибуне, слышите?

— Слышу, Паша, — выдохнула я, утыкаясь подбородком в теплую ткань, пахнущую снегом. — Идите к турникетам. Банк заблокировал кассы. Пускайте всех бесплатно по старым абонеентам под мою ответственность. Заполните дворец до отказа!

В раздевалке молодежного состава «Сокол-2» висела мертвая, липкая тишина. Двадцать мальчишек семнадцати-девятнадцати лет сидели на лавках в черном нательном белье, белые от животного страха перед звездами КХЛ. В углу мелко дрожал восемнадцатилетний вратарь Данила Якушев, у него ходуном ходили колени.

Перед ним опустился на корточки Глеб Казаков. Капитан и играющий наставник фарм-клуба. Широкоплечий, высокий, с упрямой челюстью и холодными серыми глазами таежного волка. Его огромные мозолистые ладони жестко обхватили лицо вратаря:

— В глаза мне смотри, малой! Ты на табло не гляди. На трибуны не гляди. Смотри на шайбу, на черную резину. Все, что полетит мимо щитка — я приму на тело. Зубами поймаю, костями закрою, но к тебе не подпущу. Ты не один. Понял меня?

Якушев судорожно сглотнул ком в горле и кивнул, сжимая ремни ловушки.

В этот момент вбежал тренер Рогов:

— Инспектор лиги не допускает команду! Нет регламентной формы КХЛ с латиницей и фамилиями! Грозит дисквалификацией!

— Форму вам? — в дверях возник Дед со связкой медных ключей.

С лязгом распахнулась дверь старинного сундука клубного склада. По раздевалке разлился густой запах шерсти и лаванды. Дед извлек на свет исторические шерстяные свитеры «Сокола» победного 1984 года: плотная вязка, шнуровка на груди, тяжелый суконный красный ромб с гордой белой птицей, расправившей крылья.

— В них Михайлов играл, — сказал Дед, бросая свитер Глебу. — Оpozорите — сам уши оборву.

Пока парни надевали защиту, работники склада закрепили на свитерах номерные нашивки и фамилии из запасного комплекта. Воропаев сверил их с заявкой и расписался в допуске формы.

Снайпер Матвей Костров в панике швырнул шлем о железный шкафчик:

— Да нас клоунами на убой выставляют! Нас в первом периоде канадцы размажут!

Казаков среагировал молниеносно: в два шага подлетел к Матвею, сгреб ворот его рубахи и впечатал спиной в металлический шкафчик так, что загнуло железо:

— Шанс вылезти из подвала дается в жизни один раз. Сегодня. Ты либо выходишь мужиком и бьешься за свое имя, либо всю жизнь моешь чужие тачки. Решай сейчас!

Матвей судорожно втянул воздух, глядя в стальные глаза капитана, и молча натянул свитер с соколом.

Станок заточки был выведен из строя, но Дед ручным брусом за десять минут снял заусенцы с уже заточенных лезвий первой пятерки. Парни проверили кромки и облегченно выдохнули.

Я сделала шаг вперед. Каблуки туфель сухо щелкнули по бетону. Глеб обернулся на звук шагов.

Мы встали в полуметре друг от друга. От него исходил жар молодого тренированного тела, запах морозного воздуха, свежей изоленды и еловой смолы. На его шее тяжело пульсировала жила.

— Казаков, — тихо сказала я, стараясь говорить языком арбитражного управляющего. — Протокол завизирован под мою личную уголовную ответственность. Вы имеете право отказаться. Держитесь хотя бы период...

Глеб сделал шаг навстречу, сократив дистанцию так, что я ощутила его дыхание на своей щеке. Его серые глаза скользнули по моему лицу, задержались на фанатском шарфе и впились в мои зрачки:

— Ты не сломалась перед Зубовым, директор. Ты встала перед джипами на морозе без пальто. Теперь смотри, как мы будем умирать за тебя на льду.

Сердце пропустило удар и забилось где-то в горле:

— Не надо умирать, Глеб. Вернитесь живыми.

Инспектор матча Воропаев махнул рукой: «Две минуты до sireны! На лед!». Казаков ударил клюшкой в стальной косяк двери:

— Мы — «Сокол»! На взлет!

Двадцать парней с яростным ревом вылетели в темный тоннель, ведущий к арене.

* * *

Я стояла у самого борта, прямо за спиной скамейки запасных «Сокола».

Когда наши выкатились на лед, дворец взорвался. Пять тысяч зрителей заполнили чашу до самых сводов. Барабаны фанатского сектора сотрясали бетонные перекрытия. Пять тысяч людей увидели не испуганных юниоров, а ожившую легенду в шерстяных свитерах с красным ромбом.

Но гости вышли убивать. На пятой минуте двухметровый канадский защитник ярославцев Маккензи впечатал нашего юного защитника в борт так, что затрещало стекло. Шайба ушла в девятку — ноль-один.

В следующей же смене Казаков пошел на перехват. Разогнавшись от своих ворот, он встретил двухметрового канадца сокрушительным силовым приемом плечом в грудь. Маккензи вылетел спиной в открытую калитку собственной лавки запасных. Трибуны взвыли от восторга: снисходительность с ярославцев слетела в ту же секунду.

К середине второго периода счет стал ноль-два. Опыт «Барсов» брал свое. Тренер Рогов на скамейке побелел:

— Берем тайм-аут! Садимся впятером на синюю линию, сушим игру!

Казаков подъехал к борту, сдирая зубами мокрую крагу:

— Никакой сушки! Их вратарь тяжело садится на щитки низом, не закрывает «домик». Грузите шайбу в углы, мы заберем пятак. Вздвигиваем темп!

На тридцать пятой минуте у нас удаление. Гости раскатали шайбу, форвард «Барсов» щелкнул со скоростью сто шестьдесят километров в час в пустой угол ворот «Сокола».

Казаков бросился плашмя поперек линии ворот. Удар пришелся в бок, под край защиты. Глеба дернуло так, что я услышала собственный короткий вскрик даже сквозь рев трибун. Шайба срикошетила высоко на трибуны.

Гол был спасен, но Глеб остался лежать на льду, скорчившись и судорожно хватая ртом ледяную крошку. Оттолкнув носилки санитаров, он доковылял до скамейки, серый от невыносимой боли в боку.

— Казаков, надо осмотреть! — кричал доктор Михалыч. — Сядь!

— Дай отдышаться, док... — прохрипел Глеб, зажимая бок локтем.

Я сбегала по ступенькам к самому бортику, прижав ладони к холодному плексигласу прямо за его головой:

— Глеб! Уходи со льда, ты не можешь дышать! Пожалуйста, арена этого не стоит!

Он медленно повернул голову. Сквозь решетку шлема его глаза встретились с моими. Он поднял тяжелую крагу и прижал ее к стеклу ровно напротив моей ладони:

— Пока ты стоишь за моей спиной, Инна — я этот лед не оставляю.

Врач осмотрел его за бортом, заставил сделать несколько вдохов и нехотя кивнул тренеру. Глеб выдохнул сквозь стиснутые зубы и вернулся на лед.

На сороковой минуте при отложенном штрафе Глеб выскочил шестым полевым, смял двоих защитников в углу и в падении выдал слепой ювелирный пас Матвеем Кострову. Щелчок под перекладину — один-два!

В третьем периоде шла беспощадная рубка. Якушев тащил «мертвые» шайбы на шпагатах. За тридцать секунд до конца Рогов снял вратаря. Защитник гостей выбил шайбу в сторону пустых ворот «Сокола», но наш защитник в падении на самой ленточке выбил ее коньком! Казаков подхватил снаряд, развернулся на одном коньке и прострелил через всю зону на дальнюю штангу.

Матвей Костров влетел туда на пределе сил и буквально с мясом вогнал шайбу в сетку!

Вспыхнул красный фонарь, и через долю секунды взвыла сирена.

На табло горело: 59:59.2. До конца оставалось восемь десятых секунды! После трех минут видеопросмотра главный арбитр указал на центр — гол! Два-два!

Овертайм до первой шайбы. На второй минуте канадский легионер ошибся на синей линии. Казаков перехватил шайбу и рванул один на один с голкипером. Это был бег раненого волка, у которого нет права на отступление. Ложный замах клюшкой, вратарь гостей дернулся, и Глеб, падая на лед, мягко подсек шайбу под перекладину!

Три-два!

Победная сирена утонула в вопле пяти тысяч человек. Шарфы и шапки полетели на лед. Парни сбили капитана с ног счастливой кучей-малой. Счет в серии стал один-ноль. «Сокол» выжил!

Глава 3. Чужая куртка

Разогнуться самостоятельно Глеб уже не смог.

Когда куча-мала наконец рассыпалась, а трибуны продолжали скандировать его фамилию, сотрясая бетонные перекрытия арены, капитан остался сидеть на льду, роняя голову на грудь.

Я перемахнула через низкий борт судейской ложи, не думая о туфлях и дорогом костюме. Опустилась перед ним на колени на снежную крошку. Под глазом наливался темно-бордовый кровоподтек, бровь рассечена, дыхание вырывалось хрипом.

— Мы сделали это, Инна... — выдохнул он разбитыми губами.

— Молчи, Казаков. Опирайся на меня.

Я перекинула его тяжелую руку в наплечнике себе через шею. Его мощное тело навалилось на меня всей силой, но, закусив губу до крови, он поднялся на коньки.

Мы медленно побрели по резиновой дорожке сквозь безумие ликующей раздевалки, мимо плачущих от счастья пацанов и телекамер. Доктор Михалыч оттеснил репортеров массивным плечом, а я довела Глеба до старого медицинского кабинета в дальнем тупике коридора.

Я толкнула плечом тяжелую дубовую дверь и повернула защелку замка.

Щелчок — и внешний мир мгновенно исчез.

Рев трибун и крики команды оборвались, словно выключенные тумблером. В кабинете воцарилась плотная, почти интимная тишина. Пахло белым кафелем, камфорой, спиртом и сухим ментолом. Под потолком ровно гудела лампа.

Глеб тяжело опустился на медицинскую кушетку, прислонившись затылком к стене. Его грудь прерывисто ходила под намокшим шерстяным свитером.

Я достала из навесного морозильника гелевый лед, завернула в марлевую салфетку и подошла к нему, встав вплотную между его разведенных коленей. Мои руки все еще мелко дрожали от пережитого за этот вечер кошмара.

— Сиди смирно, — тихо сказала я.

Я прижала марлю со льдом к его разбитой скуле. Глеб вздрогнул от контраста холода, его серые глаза распахнулись, глядя на меня в упор.

Не произнося ни слова, он поднял свою огромную, горячую, покрытую ссадинами ладонь и накрыл мои пальцы, прижимавшие компресс. Его ладонь была шершавой и обжигающей.

Мы замерли. Его прерывистое дыхание касалось моей шеи. Я чувствовала бешеное бие-ние его пульса и то, как колотится мое собственное сердце.

— Ты пришла на скамейку, — хриплым полусшепотом произнес он, и по моему телу пробежала теплая дрожь. — Никто из директоров никогда не стоял у нас за спиной у самого стекла.

— Ты мог погибнуть, Глеб, — прошептала я. Мои пальцы невольно коснулись жесткой щетины на его челюсти. — У тебя может быть трещина в ребрах. Тебе нельзя выходить на лед.

Глеб сжал мои пальцы в своей руке, не отпуская и не отводя горящего, неистового взгляда:

— Мы взяли только один матч. Зубов завтра вернется с новой бумагой. А я выйду на вторую игру. И на третью. Даже в корсете. Пока ты здесь — я никому не отдам этот дворец.

Воздух между нами звенел от напряжения, где страх смешивался с восторгом, а благодар-ность — с непреодолимым притяжением. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего.

В коридоре загремели торопливые шаги, замок щелкнул, и в кабинет с грохотом ввалился взмыленный доктор Михалыч — Михаил Семенович Карпов — со связкой ключей и надры-вающейся трубкой телефона в руках.

Но Глеб не убрал руки с моей ладони. Он лишь с усилием перевел прерывистое дыхание, крепче сжал мои пальцы, прижимая ледяной компресс к разбитой скуле, и в уголках его губ мелькнула усталая, победная усмешка.

Первый бой остался за нами. Но война за дворец и за нас двоих только начиналась.

* * *

Доктор Михалыч — Михаил Семенович Карпов — с грохотом захлопнул за собой тяжелую дубовую дверь, отсекая коридорный шум, и в медицинском кабинете цоколя воцарилась напряженная, гулкая тишина.

Камфорный спирт и ментол терпко щипали в носу, а люминесцентная лампа под потолком тревожно вздрагивала от далекой беготни на верхних ярусах.

Глеб тяжело перевел дыхание на высокой кушетке, пока я держала пакет со льдом у его разбитой скулы. Но доктор уже метался по комнате, трясущимися руками сжимая телефонную трубку:

— Это катастрофа! Пневмоторакс под вопросом! Инна Сергеевна, отойдите, я вызываю реанимобиль Склифа, его немедленно на носилки!

— Михалыч, вызывай, — сказала я, убирая компресс со щеки капитана. — Глеб, слышишь? Сейчас решает врач. Я еду с тобой.

Михалыч помог Глебу снять промокший шерстяной свитер и защиту, отложив их на табурет.

Впервые я увидела Казакова без хоккейного панциря. Литой рельеф могучих плеч сибиряка блестел от пота. На ключице белел глубокий шрам от чужого конька, а на левом боку — на восьмом и девятом ребрах — наливалась страшная, багрово-фиолетовая гематома величиной с тарелку. При каждом вдохе ребра под натянутой кожей болезненно вздрагивали.

Сердце оборвалось. Вся казенная броня арбитражного юриста осыпалась в пыль.

— Не бойся, Инна, — хрипло выдохнул Глеб сквозь зубы. Он попытался потянуться к свитеру, но резкое движение вызвало спазм мышц. Лицо капитана побелело как мел, пальцы разжались, свитер упал на пол, а из горла вырвался придушенный стон.

— Сидеть смирно, — приказала я, мягко опуская ладони ему на плечи. — Руки за голову. Это распоряжение руководства.

Глеб криво усмехнулся побелевшими губами, но послушно завел локти за затылок.

Пока доктор разговаривал с диспетчером, я подхватила тот же пакет гелевого льда. Пальцы мелко дрожали; край салфетки соскользнул с его влажной горячей кожи.

Глеб медленно опустил руку. Его огромная, шершавая ладонь накрыла мои дрожащие пальцы и прижала их к своему пылающему боку.

Сухой жар его разгоряченной кожи обжег мои озябшие пальцы, дыхание Глеба сбилось, а под натянутыми мышцами бешено заколотился тяжелый мужской пульс. Его взгляд — серый, тяжелый, немигающий — приковал меня к месту.

— Держи, Инна, — тихо, на самом выдохе произнес он, и горячее дыхание обожгло мою ключицу. — Просто побудь рядом. Вот так.

Я придержала компресс через салфетку, стараясь не давить на больное место.

Доктор Михалыч убрал телефон:

— Бригада в пути. Сидишь и ждешь, капитан.

— Без капитана пацаны в Ярославле сгорят в первом периоде, — прорычал Глеб.

Я сжала руку Глеба:

— Сначала обследование. Если врач запретит — на выезд ты не едешь. Слово капитана?

Глеб посмотрел мне в глаза:

— Слово капитана.

Бригада увезла нас на обследование. Несколько часов ожидания растянулись в вечность. Наконец врач вернулся со снимками: опасения не подтвердились, перелома не обнаружили —

сильный ушиб. Он расписал лечение и велел клубному доктору повторно оценить состояние перед игрой.

Когда мы вернулись в медицинский кабинет арены, Глеб уже дышал ровнее, а у меня от облегчения дрожали колени.

Я попыталась отступить к двери, собираясь подняться к отчетам, но перенапряжение дало о себе знать: ноги подкосились, каблук поехал по кафелю, и меня заколотило от холода.

Глеб поднялся с кушетки, снял с вешалки свою тяжелую черную пуховую куртку с лите-рой «С» и гербом «Сокола» и широким жестом опустил ее мне на плечи.

Куртка укутала меня почти до колен, обдав сухим жаром его сильного тела и неповто-римым запахом морозного льда, кедровой смолы и свежей изоленты. Я утопила замерзшие пальцы в глубоких карманах, чувствуя, как разливается спасительное тепло.

Дверь приоткрылась. Начальник смены ЧОПа Зубова с наглой ухмылкой поднял смарт-фон, чтобы сфотографировать полуобнаженного капитана для желтых таблоидов.

Глеб среагировал бесшумно. Заслонив меня спиной, он шагнул вперед, железной хваткой перехватил запястье охранника и впечатал его руку в дверной косяк:

— Удалил видео и пошел вон из цоколя. Пока я не вспомнил, как играют в тело без правил.

Чоповец захрипел от боли, торопливо очистил память телефона и кубарем понесся по коридору.

Глеб закрыл дверь и повернулся ко мне. В тишине отчетливо заурчал мой голодный желу-док — с утра я не съела ни крошки.

Казаков улыбнулся:

— Никаких такси, Воронова. Ты бледная как смерть. На стадионе работает старая кухня. Идем варить чай и ужинать. Возражения не принимаются.

* * *

Старая клубная столовая в подтрибунье дышала полумраком. Здесь мерно урчал пузатый холодильник «ЗиЛ», а вдоль стен белела старинная плитка.

Я сидела у стола из нержавеющей стали, плотнее запахивая на груди пуховик Глеба.

— Кладовую опечатали свинцом за долги, — Глеб осмотрел висячий замок склада. — Но сибиряки в чужие амбары не лазают.

Он подошел к своему железному шкафчику в углу столовой и достал армейский паек: банку тушеной говядины высшего сорта с надписью «ГОСТ Военторг» и килограммовый пакет алтайской гречки.

Пьезоэлемент на плите щелкнул вхолостую — механизм сработался, а спички отсырели.

Я достала из сумочки плоскую бензиновую зажигалку. Вспыхнул ровный язычок пла-мени. Глеб наклонился с ковшиком и замер. В свете огня блеснула надпись на латуни: *«Честь дороже выгоды. С.В. Воронов, 1994»*.

Казаков поднял глаза:

— Семейная реликвия?

— Отцовская, — ответила я, зажигая конфорку.

Чайных пакетиков на полке не нашлось. Глеб извлек из спортивной сумки полотняный мешочек, перевязанный бечевкой.

По холодной столовой поплыл пряный, густой аромат: сушеный алтайский чабрец, лист брусники и ягоды шиповника.

— Мать под Усть-Каменогорском собирала, — сказал Глеб, бросая щепоть в закипающий чайник. — Анна Павловна у меня учительница музыки в таежном поселке, но в целебных травах с детства толк знает. Этот чай любую хворь и тоску выжигает дотла.

Он налил янтарный настой в две граненые кружки и пододвинул одну мне. Первый же глоток обжег терпкой горечью трав и мягким теплом, разливаясь по жилам живительной силой.

Гречка в ковшике набухла, впитав сок тушеного мяса. Глеб наложил полную тарелку с горкой и протянул мне ложку:

— Ешь, комиссар.

Горячая простая еда показалась вкуснее любого ресторанного блюда. Но один вопрос не давал мне покоя:

— Глеб, я видела твою игру сегодня. Ты держал на себе всю площадку. Игроки такого уровня играют в первых звеньях клубов-олигархов. Почему ты пять лет прозябал в дубле на нищенской ставке? Кто тебя задвинул?

Плечи Казакова закаменели. Он опустил взгляд, и в столовой повисла тяжелая тишина.

— Пять лет назад мы вышли в финал Кубка, — глухо начал он. — За три часа до игры Лаптев вызвал меня в номер люкс. На столе лежали три миллиона рублей наличными. Условие было простым: в третьем периоде дважды «ошибиться» на возврате и слить кубок питерцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.